

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЖИВОЙ И ПРАВДИВОЙ РЕЧИ В РУССКИХ ГОВОРАХ**

Статья посвящена семантическому анализу лексических выражений концептов «Правда» и «Ложь» на материале диалектной лексики и фразеологии, связанных с речью. Выявлены основные компоненты смысла, регулярно дополняющие значение лживой речи в семантеме диалектного слова. Абстрактность понятий «правда» и «ложь», а также содержательных и коммуникативных признаков речевого акта при вербализации порождает большое количество метафорических наименований. Анализ метафорических моделей концептуализации понятий «Правда» и «Ложь» показал, что они имеют экстралингвистическую природу и в диалектной речи характеризуются высокой степенью лексического варьирования, при этом реализующиеся метафорические модели являются общезыковыми.

Ключевые слова: концепт, лексика, фразеология, семантика, диалект, речь.

Концепты «Правда» и «Ложь» входят в число ключевых, определяющих единицы картины мира, наряду с другими, аккумулирующими культурно-ценностную информацию о важнейших онтологических категориях (*время, пространство, дух, свобода, справедливость, совесть* и др.) [1; 2]. Важным свойством концепта является его соотношение с выраженными в культуре ценностными доминантами; иначе говоря, концепт усваивается индивидом в контексте сложившихся в социуме культурно-ценностных представлений [3].

Объектом настоящего исследования выступают диалектные лексические и фразеологические единицы с семантикой речи как средства концептуализации правды и лжи в русской языковой картине мира. Отмечено, что диалектная картина мира непосредственно отражает традиционные, определяющие черты русского национального мировидения [4, с. 371]. Эмпирическую базу исследования составили результаты сплошной выборки из сводного «Словаря русских народных говоров» [5] в количестве свыше 1200 единиц.

Следует отметить, что сводный диалектный словарь, послуживший источником выборки, включает как регулярно встречающиеся, так и окказиональные наименования, при этом убедительно разграничить их только на материале словаря невозможно. Критерии такого разграничения, основывающиеся на выявлении частотности внутридиалектных вариантов и соотношения диалектных и литературных форм, были разработаны представителями Саратовской лингвистической школы [6]. Но такой анализ возможен только с использованием обширного корпуса диалектных текстов; к тому же отмечается, что даже частая повторяемость нелитературной лексики не

* © Баженов Н.Ю., 2016

Баженов Николай Юрьевич (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации? Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002 «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты»).

всегда служит надежным обоснованием приуроченности ее к данному конкретному говору [6].

Настоящее исследование нацелено на семантический компонентный анализ лексических и фразеологических средств концептуализации понятий *правда* и *ложь*, которые выражены глагольными обозначениями речевого действия, именными указаниями на объект (правдивую / лживую речь) и характеристиками человека по его речевому поведению (склонности говорить правду или ложь), наречными конкретизаторами глагольной семантики. Помимо этого, ввиду высокой частотности метафорических обозначений ставится задача описать основные модели образной концептуализации правды и лжи в диалектной лексике.

При распределении лексико-фразеологического массива по двум полярным группам («Правда» и «Ложь») очевидно численное преобладание единиц второй группы. Нельзя не согласиться с З.И. Резановой, отметившей, что в говорах зачастую «оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонением в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций» [7, с. 71]. Однако следует также добавить, что такая тенденция характерна и для других подсистем национального языка, включая литературный язык.

Семантика сравнительно немногочисленных наименований, относящихся к правдивой речи, часто осложняется дополнительными дифференциальными семами (выделено чертой под словом. — Н.Б.), отраженными в словарных дефинициях и проявляющимися в контекстах употребления слов, ср. ворон. *говорить налицо* ‘говорить правду в глаза’ (*Он всегда налицо говорит, прямой человек*) [5, вып. 20, с. 19]; новг. *ошпéтить* ‘сказать неожиданную правду’ [5, вып. 25, с. 96]; пск. *открýться на духу* ‘покаяться (попу, священнику), рассказать всю правду во время исповеди’ [5, вып. 24, с. 213]; дон. *вывести* кого-либо на личную стáвку ‘заставить выйти кого-либо и сказать правду’ [5, вып. 41, с. 24]. Однако сема ‘правда’ может фиксироваться и без указаний на дополнительные смысловые оттенки, ср. *спрáвдить* ‘сказать правду’ (*А этот справдил офицер, что сюда нас привез, не сбрыхал. Казаки-некрасовцы; смол., зап.-брян.*) [5, вып. 40, с. 252]; том. *изабыль* ‘правда, истина’ (*Изабылью раньше правду старые люди называли*) [5, вып. 12, с. 84].

Любопытно, что проявление отмеченного в ряде номинаций смыслового признака ‘откровенно’ может прямо указывать на нелицеприятный характер высказываемой информации, ср. волог. *выбрыкать* ‘сказать правду; высказать в горячности все, что накипело’ (*При случае я уже выбрыкаю ему все*) [5, вып. 5, с. 249]; смол. *отлепíть* ‘сказать что-нибудь резкое без стеснения’ (*А я ему всю правду отлепила в глаза*) [5, вып. 24, с. 224]; вост.-казах. *правдик* ‘правдолюбивый человек’ (*Правдик он, ниче не боится, все выложит*) [5, вып. 31, с. 51].

Словарные дефиниции слов и фразеологизмов, связанных с речевым выражением лжи, отражают многоаспектность денотата — речевой ситуации. То, что сказанное может соответствовать или не соответствовать истине, важно и с коммуникативно-прагматической точки зрения, ибо маркируются, помимо содержательных свойств речи, такие признаки, как:

а) **объект высказывания (референт)**, ср. перм. *греховáть* ‘клеветать, наговаривать на кого-либо’ [5, вып. 7, с. 135];

б) **цель высказывания**, ср. яросл. *ерундítь* ‘изворачиваться, лгать, стараясь показать себя правым’ [5, вып. 9, с. 35]; ворон. *заходítься* ‘осторожными, дипломатичными разговорами пытаться обмануть, выведать что-либо’ [5, вып. 11, с. 157]; пск., твер. *сочítь* ‘просить, канючить, выманить что-либо обманом’ [5, вып. 40, с. 93]; влад. *слítть пúлку и подпустítть козúлку* ‘запугать кого-либо заведомой ложью’ [5, вып. 14, с. 80]; сарат. *набреханный* ‘научившийся говорить складно ради выгоды, хотя и в ущерб правде’ [5, вып. 19, с. 133];

в) **восприятие речи другими, ее оценка**, ср. *догорошítть*³ ‘прервать чью-либо речь, уличив говорящего в неправде, несправедливости’ [5, вып. 8, с. 88]; диал. (Даль) *оболжívить* ‘объявить лживым, лжецом’ (*Ты за что оболживил меня, коли я правду говорю?*) [5, вып. 22, с. 164].

Показательно, что в семантеме диалектного слова, связанного с ложью, регулярно фиксируются значения и других содержательных и коммуникативных признаков речи, таких как пустословие, сплетни, хвастовство, которые дополняют друг друга в семантемах диалектных слов, в том числе в случаях, когда слово фиксируется в говорах одного региона. Ср. пенз. *салесничать* ‘говорить неправду, лгать’ (*Верить-то тебе как? Поди, салесничаешь*) // ‘говорить вздор, пустяки, болтать’ (*Салесничать мастер, только уши развешивай*) [5, вып. 36, с. 61]. Зачастую упомянутые значения вовсе объединяются в одну семему, ср. дон. *расталдыкаться* ‘наговориться, наболтать лишнего, заврататься’ (*Он расталдыкался, да я не верю: талдычишь ты лишнее, брешешь*) [5, вып. 34, с. 246]; волог., влад., перм. *сикавить* ‘сплетничать, наговаривать, клеветать’ [5, вып. 37, с. 299]; пск. *барабоша* ‘болтун, врун, пустомедя’ (*Барабуша ты, говоришь, что к носу пришло*) [5, вып. 2, с. 101]; пск., твер. *тюрить* ‘болтать вздор, ерунду; врать’ [5, вып. 46, с. 34]. Это отражает диффузность семантики диалектного слова и позволяет судить о слабом разграничении (по крайней мере на уровне средств выражения) упомянутых свойств речи, что отчасти обусловлено многоаспектностью самого денотата.

Из этих примеров видно, что приводимый собирателем контекст далеко не всегда проясняет то, какой именно смысл или оттенок его вкладывает в свои слова диалектоноситель. Диффузия семантики диалектного слова порождается приблизительно словоупотребления, свойственной устной разговорной речи. Однако примечательно то, что семантическая диффузия характерна и для многих полисемантических слов литературного языка [8, с. 78–80].

Из всех выявленных наименований примерно 37 % являются метафорическими, т. е. в первичном значении указывают на предметы, явления или признаки, с речью не связанные. Вообще о метафорической природе значений речевого действия у полисемантов, семемы которых отмечены в разных частных диалектных системах (говорах), можно судить лишь с известной долей условности в связи со сложностью системной организации русских говоров и отсутствием в науке о языке единой точки зрения на этот счет. В то же время можно выделить ряд типичных механизмов образования вторичных лексических значений, связанных с речью: пространственная, предметная, зооморфная, физиологическая метафоры, образы физического воздействия, путаницы и тьмы. Эти модели характерны для концептуализации разных аспектов речи, особенности же метафорической интерпретации правдивой и лживой речи заключаются в семантическом наполнении образов.

Так, распространенной реализацией **пространственной метафоры** при концептуализации правды и лжи (а также некоторых других содержательных и коммуникативных свойств речи, таких как откровенность или пустословие) в русском языке является оппозиция ПРЯМОЕ – КРИВОЕ, ср.:

а) ПРАВДА = ПРЯМО: лит. *говорить прямо, прямолинейный человек*; диал. вят. *прямик*, моск. *прямушка* ‘прямой, откровенный человек’ (*Прямушка не любит говорить по стороне, а скажет в глаза всю правду*) [5, вып. 33, с. 86, 89];

б) ЛОЖЬ = КРИВО: лит. *кривить душой, кривда*; диал. курск. *гну́ть* ‘врать, рассказывать пустое’ [5, вып. 6, с. 251]; арх. *позагибать* ‘насочинять, наврать’ [5, вып. 28, с. 304]; екатеринб. *говорить без кривуль* ‘говорить правду’, ряз. *кривой* ‘обманщик, лжец’ [5, вып. 15, с. 251, 245].

Частной реализацией пространственной метафоры является **мотив ложного пути**, который может быть выражен абстрактно (ср. волог. *проваживать на словах* ‘обманывать, вводить в заблуждение’; смол. *пройти* ‘обмануть, провести кого-либо’: *Какой бы ты хитрый не был, а меня ты не пройдешь!* [5, вып. 32, с. 90, 149]) – или же более конкретно, через уподобление лживой речи непрямому – извилистому, круговому или беспорядочному – движению, ср. литер. разг. *обвести вокруг пальца* – диал. нижегор. *вертлюжить* ‘обманывать или хитрить; уклоняться от прямого ответа’ [5, вып. 4, с. 153]; влад. *заезжать* ‘начать говорить чепуху, нелепости, заврататься’ [5, вып. 10, с. 72]; *кривлять*² 1) ‘идти или ехать, сбиваясь с прямого пути то в одну, то в другую сторону’ (олон.), 2) ‘говорить ложь, неправду’ (пск., твер.), *кри-*

вить 1) 'уклоняться в сторону от дороги; сбиваться с прямого пути' (арх.), 2) 'обманывать, нарушать обещания, лгать' (арх., влад., новорос.); волог., костром., влад., пск., твер. *кружить* 'врать, пустословить, болтать' [5, вып. 15, с. 242, 244, 311]; костром., орл., твер., пск. *петлять* 'лукавить, врать' [5, вып. 26, с. 328]; *крутёль (крутиль)* 'лживый, хитрый человек, обманщик' (*Бог не теля, видит праведника и крутеля*. Смол. *Это ж такой крутёль, что в его в ступе не попадешь*. Зап.-брян.) [5, вып. 15, с. 324]; диал. (даль) *свилющий* 'избегающий говорить правду (о человеке)' [5, вып. 36, с. 280].

В наименованиях лживой речи прослеживается образ круга, ср. енис. *круговой* 'лживый, плутоватый' [5, вып. 15, с. 304]. Отметим единичную реализацию образа круга при концептуализации правдивой речи – кубан. *круглое словечко* 'верное, правдивое слово' [5, вып. 15, с. 301]. Можно предположить, что в данном случае выражается другая метафорическая модель – КРУГ = ПОЛНОТА, ПОЛНОЦЕННОСТЬ, – ср. *круглый год, круглый отличник* и т. п.

Предметная метафора при акцентировке на структурно-содержательную и коммуникативно-прагматическую сторону речи реализуется в образах предмета, его конструирования и перемещения в пространстве, вместилища. Опишем выражение указанных метафорических моделей в наименованиях речи по признакам 'правда' и 'ложь'.

Прежде всего метафорически, как предмет, может быть представлено само высказывание, ср. оренб. *кыра масляная* 'ложь, неправда, вранье' [5, вып. 16, с. 202]. Достаточно частотна такая разновидность предметной метафоры, как образ действия с материальным предметом. Так, среди сценариев развертывания образа речи как предмета можно выделить его управление движущимся предметом: перенесение (ср. мурман. *спустить враку* 'солгать, выдумать что-либо' [5, вып. 40, с. 287]; сарат. *переть* 'говорить глупости, нести чушь, врать' [5, вып. 26, с. 251]), *езда* (ср. жарг. *знать* 'врать' – диал. бурят. *знать тóлько* 'врать' [5, вып. 46, с. 23]).

Другой сценарий представлен мотивом передачи предмета кому-либо, ср. костром. *как в руку положить* 'сказать верно, безошибочно' [5, вып. 29, с. 103].

Третий сценарий, основанный на образе собирательства, акцентируется непосредственно на содержательной стороне речи, ср. яросл. *набирать* [5, вып. 19, с. 116], среднеурал. *сбирать* [5, вып. 36, с. 174]; арх. *выковёривать* [5, вып. 5, с. 293] – 'врать'.

Типичной моделью метафоризации является конструирование (созидательная деятельность), реализующееся как:

а) **составление, складывание**, ср. волог. *составлять* 'порочить кого-либо, клеветать на него, представлять кого-либо в ложном свете' (*Составляют про меня всего*) [5, вып. 42, с. 308].

б) **плетение (речь = ткань / веревка)**, ср. лит. разг. *плести* – диал. арх. *плести плетню* 'лгать, наговаривать на кого-либо' (*На Андрея говорят, он пьяный был, да кто знает, сколько плетни-то плетут*) [5, вып. 27, с. 128], *сплесть* 1) 'изготовить плетением, сплести' (литов., волго-кам., башкир., курск.), 2) 'солгать, оклеветать, насплетничать' (смол.) [5, вып. 40, с. 160]; пск. *верёвочный чёрт* 'об обманщике, сумасброде и т.п.' [5, вып. 4, с. 126];

в) **лепка**, ср. *лепить правду* 'говорить прямо, откровенно, резко' (*Правду брат в глаза так старшине лепит*. Смол.; костром.) [5, вып. 16, с. 364], смол. *отлепить* (см. выше);

г) **переработка, перемалывание (сведения «перемолотые» = искаженные, лживые)**, ср. лит. прост. *молоть, пустомеля* – диал. арх., твер. *мельница* 'о лгуне, обманщике' [5, вып. 18, с. 104];

д) **грубая, неумелая, некачественная работа**, ср. *варнакать* 1) 'делать что-либо небрежно, плохо' (твер., ряз., курск., ворон., орл.), 'стряпать, готовить какое-либо кушанье' (калуж.), 2) 'лгать' (ряз., смол.) [5, вып. 4, с. 56].

Когнитивным основанием указанных предметных образов служит неоднозначная (двойная) интерпретация словесного выражения лжи. С одной стороны, это искусная и тонкая «работа», требующая определенных «навыков» (ср. образ ткани, распростра-

ненный как в литературном языке, так и в говорах). С другой — это деятельность примитивная, грубая и бессмысленная. Последняя оценка относится прежде всего к неумелой лжи, непохожей на правду, ср. ворон. *сварнакатъ* ‘сказать что-либо нелепое, вздорное, неразумное’ (*Что-то ты, Иван, сварнакал — совсем не похоже на правду*) [5, вып. 36, с. 214].

Неправдоподобие передаваемой информации в восприятии носителей языка и говоров отражается в образе грубых следов, которые якобы оставляет на чем-либо лживая речь, уподобляющаяся некоей жидкости или вязкой массе, ср. прот. *ляпнуть* — диал. волог. *ляпать* ‘врать’ [5, вып. 17, с. 279], сев.-двин. *изляпаться* ‘запутаться во лжи, изолгаться’ [5, вып. 12, с. 142]; вят., карел. *нашлепать* ‘наговорить неправды’ [5, вып. 20, с. 300].

Пожалуй, наибольшая степень экспрессии характерна для наименований, в которых речевой акт метафорически уподобляется дефекации, ср. сев.-двин. *срать* ‘лгать, врать’, *сосрать* ‘соврать’, *срамка*, *сраль* ‘лгун, враль’ [5, вып. 40, с. 307, 58, 304].

Частным случаем предметной метафоры является также образ (не)ровной поверхности, ср. вят. *гладкобай* ‘ласковый, веселый человек, который говорит всегда правду’ [5, вып. 6, с. 180] — волог., сев.-двин. *боронить* ‘говорить вздор, врать’ [5, вып. 3, с. 116].

В содержательном отношении речь характеризуется с точки зрения смысловой наполненности, т.е. реализуется модель РЕЧЬ = ВМЕСТИЛИЩЕ. Признак ‘смысловая наполненность’ имеет и коммуникативный статус: речь оценивается с точки зрения значимости для собеседника. В одних случаях лживая речь может быть представлена в виде пустого вместилища, в других — наоборот, заполненного; в таких случаях частотен образ жидкости, ср. миасс. *галюши заливать* ‘лгать’ [5, вып. 6, с. 117] — перм. *пустая говоря* ‘ложь, неправда’ [5, вып. 33, с. 148].

Речь становится объектом непосредственного восприятия в своем звучании, поэтому основным материалом ее концептуализации служат различные звуковые ассоциации, которые могут быть связаны:

а) с голосовыми звуками животных, в частности, собаки, голосовые звуки которой ассоциируются с лживой, бестолковой речью, ср. *облаивать* — 1) ‘лая невпопад, некстати, направлять охотника по ложному следу; лаем подавать ложный сигнал о дичи (о собаке)’ (Даль), 2) ‘лгать, сбивать с толку’ (волог.) [5, вып. 22, с. 83]; смол. *собачуга* ‘о лживом человеке, обманщике’ [5, вып. 39, с. 153].

б) со звуками, издаваемыми материальными предметами, ср. арх., урал. *бухать* ‘лгать’ [5, вып. 3, с. 320]; свердл. *колоколить* ‘врать, преувеличивать, привирать’ [5, вып. 14, с. 165];

в) со звуком громкой человеческой речи, ср. *пастить* 1) ‘громко кричать, орать, широко открывая рот (о человеке)’ (арх., север., вост., Даль) // ‘громко плакать, рыдать’ (арх.; беломор.) // ‘громко, но неразборчиво говорить’ (арх.), 2) ‘болтать, врать’ (арх.) [5, вып. 25, с. 264]; *орать* ‘врать’ (*Почнет орать — только слушает, а спроси людей — ничего и не было*. Сарат.; влад., свердл., костром., твер.) [5, вып. 23, с. 330].

Из приведенных примеров видно, что в основе аналогии заложен звонкий, громкий звук. Такая метафорическая модель продуктивна при обозначении речи не только по признаку ‘ложь’, но и по признакам ‘бессмысленно’, ‘попусту’, ‘сплетня’, ‘хвастовство’. Можно предположить, что когнитивным основанием такой гиперболизации формы (относительно содержания) является интерпретация речи, характеризующейся упомянутыми признаками, как «сотрясения воздуха», а также с точки зрения христианской морали — как действия, совершение которого не пройдет бесследно и неизбежно будет иметь последствия (ср. *Бог все слышит*). Это наводит на мысль о том, что при вербализации концепта ‘ложь’ в лексике говорения звуковая метафора носит не языковой, а когнитивный характер.

Негативная направленность речевого действия на другое лицо может быть метафорически представлена как физическое воздействие в отношении адресата речи, ср. свердл. *подкусить* ‘оклеветать’ [5, вып. 28, с. 53]; ряз. *класть ложь* ‘клеветать’ (*Ты святая такая, ходишь по церквам, а на бабу кладешь ложь*) [5, вып. 13, с. 267],

положить пустоту ‘оклеветать кого-либо’ (*Как тае не стыдно, на девок положила таку пустоту*) [5, вып. 29, с. 103]; влад. *поддевало* ‘тот, кто в разговоре уличает других во лжи или несообразностях’ [5, вып. 27, с. 385].

Восприятие лжи как нарушения истинного положения вещей, элемента дисгармонии и хаоса находит выражение в образах *путаницы, неясности*, ср. пск., твер. *спутать* ‘наговорить вздору, солгать’ [5, вып. 40, с. 292]; твер., сарат. *глумить* ‘врать’ [5, вып. 6, с. 210]; гурьев. *затуманивать* ‘врать’ [5, вып. 11, с. 111]; новг. *зыбочник* ‘обманщик, хитрец’ [5, вып. 12, с. 32]; волог. *омутковый* ‘любящий приврать, лживый’ [5, вып. 23, с. 206].

Правда и ложь в метафорической проекции могут быть противопоставлены как *свет* и *тьма*, ср. новг. *на солнышко гляжу* ‘говорю правду, подтверждаю что-либо, уверяю в чем-либо’ (*Мужик в лесу (в)стречу попал, на солнышко гляжу, не вру [крестится]; я не могу под чужим мужиком, еще затяжелеешь*) [5, вып. 39, с. 274] – том. *глаз затемнить* ‘давать путаное объяснение, говорить неправду’ [5, вып. 6, с. 186]; смол. *чертей слепить* ‘нагло врать’ [5, вып. 38, с. 264].

Заметим, что обе эти модели не универсальны и характерны преимущественно для наименований речи с точки зрения соответствия истине и смысловой наполненности.

Особо стоит отметить номинации, в которых реализуется сразу несколько метафорических образов, например, пространственная и предметная метафора (арх. *вести в плетню* ‘лгать, наговаривать на кого-либо’ [5, вып. 27, с. 128]), пространственная и звуковая (*кривосвист* ‘лживый лстец’, Даль [5, вып. 15, с. 247]).

Проведенный анализ выявил высокую степень семантический диффузности и значительный коннотативный потенциал исследованных языковых единиц. Рассмотренные метафорические модели отражают закрепившиеся в языковой картине мира представления о лжи как о нарушении гармонии: пространственной (образы кривизны, неровности, путаницы, тьмы), звуковой (ассоциации с громким звуком). В то же время за наименованиями, связанными с правдой, закреплены «гармоничные» образы гладкости, прямоты и света. Эти образы, в том числе звуковые, имеют экстралингвистическую природу и в диалектной макросистеме характеризуются высокой степенью лексического варьирования, что обусловлено не только особенностями системной организации русских говоров, но и обилием вариантных наименований.

Примечания

¹ Здесь и далее знак ударения отсутствует в словах, в которых он в словаре-источнике не проставлен или в которых содержится помета «(удар. ?)».

² Здесь и далее цифрой 1 обозначаем первичное, цифрой 2 – вторичное значение.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001. 208 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.
4. Демидова К.И. Метафорические модели в русских народных говорах как способ вербализации концептов окружающего мира // ЛАРНГ (Материалы и исследования). 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 371–377.
5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб, 1965–2015. Вып. 1–48.
6. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Лексическое своеобразие среднерусской диалектной речи по данным диалектного текстового корпуса. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/communication/antichnost.htm>.
7. Резанова З.И. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений. Томск, 1995. С. 69–74.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. 2-е изд. М.: URSS, 2006. 280 с.

References

1. Wierzbicka A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kliuchevykh slov. Per. s angl. A.D. Shmeleva [Understanding Cultures Through Their Key Words. Transl. from English by A.D. Shmelev]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 288 p. [in Russian].
2. Maslova V. A. Lingvokul'turologiia [Cultural linguistics]. M.: Academia, 2001, 208 p. [in Russian].
3. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse [Lingua-cultural concepts of precedential texts in consciousness and in discourse]. M.: Academia, 2000, 139 p. [in Russian].
4. Demidova K.I. Metaforicheskie modeli v russkikh narodnykh govorakh kak sposob verbalizatsii kontseptov okruzhaiushchego mira [Metaphoric models in the Russian folk dialects as a way of verbalization of environmental concepts]. In: *LARNG (Materialy i issledovaniia) 2009* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and studies) 2009]. SPb.: Nauka, 2009, pp. 371–377 [in Russian].
5. *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov* [Dictionary of Russian folk dialects. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (Eds)]. M.; L.; SPb., 1965–2015, Issues 1–48 [in Russian].
6. Kriuchkova O.Yu., Gol'din V.E., Sdobnova A.P. Leksicheskoe svoeobrazie srednerusskoi dialektnoi rechi po dannym dialektного tekstovogo korpusa [Lexical peculiarity of the Middle-Russian dialect speech through the database of the dialect text corpus]. Retrieved from: <http://sarteorlingv.narod.ru/communication/antichnost.htm>. [in Russian]
7. Rezanova Z.I. Chelovek v tsnostnoi kartine mira (na materiale sibirskikh dialektnykh leksicheskikh sistem) [Man in the axiological worldview (on the base of lexical systems of Siberian dialects)]. In: *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoiashchee, budushchee. Sb. tez. dokl. IV Dukhovno-istoricheskikh chtenii* [Homeland culture: the Past, the Present, the Future. Book of abstracts of the IV Clerical and Historical readings]. Tomsk, 1995, pp. 69-74 [in Russian].
8. Shmeliov D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki. 2-e izd.* [Problems of semantic analysis of Vocabulary. 2nd edition]. M.: URSS, 2006, 280 p. [in Russian].

N.Yu. Bazhenov*

NAMES OF TELLING THE TRUTH AND TELLING LIES IN THE RUSSIAN DIALECTS

The article is devoted to semantic analysis of lexical explication of the concepts of *Pravda* (Truth) and *Lozh* (Lie). The empirical base of the investigation is made up by the dialect vocabulary and the dialect phraseology denoting speech act. The main semantic components, supplement regularly with the meaning of telling lies in the semantheme of dialect word, are revealed. The verbalization of the concepts explicates in a lot of metaphoric names, and their multiplicity is caused by the abstractedness of denotation, which reflects conceptual and communicative side of speech. The analysis of metaphoric paths used for the conceptualization of *Pravda* and *Lozh* demonstrates their extra linguistic nature. The considered concepts are characterized by the high level of lexical variation. Besides the metaphoric models realized in the vocabulary and phraseology are common for the all subsystems of the Russian language.

Key words: concept, vocabulary, phraseology, semantics, dialect, speech.

Статья поступила в редакцию 12/III/2016.

The article received 12/III/2016.

---

* *Bazhenov Nikolay Yurievich* (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The research is acrried out with financial support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project ?15-14-63002 «Imaginative nomination and imaginative conceptualization of knowledge about the world in the semantic system: linguistic and cognitive aspects»).*